

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОЭТИКИ НАЗВАНИЙ В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «БЕГ»

Д.В.Мельник

(соискатель, Московский городской педагогический университет)

У статті аналізуються наявні версії пояснення прізвища головного героя п'єси М.О.Булгакова «Бег» Хлудова, робиться спроба нової інтерпретації, що відитовхується не від тлумачного словника В.І.Даля, а від лінгвістичних, біографічних та історичних реалій, які мають пряме відношення до біографії Булгакова.

The article analyzes the current versions of explanation of the main character's name Khلودov of M.Bulgakov's play "Run", an attempt of a new interpretation is made, which proceeds not from the thesaurus of Dahl, but from linguistic, biographical and historical realities that are related directly to the biography writing.

Одна из ярчайших акцентированных черт поэтики Булгакова – его ономастика. Запоминающиеся, яркие имена персонажей – едва ли не первое, что бросается в глаза в прозе и драматургии М.А.Булгакова. Безликих, незначащих имён, вроде ивановых, петровых, сидоровых, в его произведениях мы вряд ли встретим. Чего стоят хотя бы такие персонажи, как поэт Иван Бездомный, Кот Бегемот, профессор Преображенский, Полиграф Полиграфович Шариков, Пончик-Непобеда и др. Следует, впрочем, учесть, что ономастика в таких произведениях, как «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита» (то есть в произведениях с элементами фантастического) более ярка, выразительна, но, может быть, и более однозначна, нежели ономастика в произведениях чисто реалистического плана. Если имя Ивана Бездомного сразу обращает на себя внимание как «говорящее» и призывающее к исследованию, то имя генерала Чарноты или генерала Хлудова могут произвести впечатление случайных. Нужно хорошо представлять себе как творческую манеру Булгакова, так и историко-культурный контекст, например, «Бега», чтобы отыскать в приведенных выше именах некий акцентированный автором, но им же скрытый смысл. Вопросов ономастики касались в том или ином объёме почти все, кто занимался булгаковской пьесой «Бег», хотя отдельных работ по ономастике в данной пьесе ещё не было опубликовано. Интересные наблюдения высказывались Н.А.Мороз (1, 21-28), Л.М.Яновской (2, 61-76), Е.А.Яблоковым (3, 362-363; 3, 339). Множество гипотез, хотя и небесспорных, находим в работах Б.В.Соколова (4).

В именах, фамилиях и прозвищах булгаковских персонажей можно увидеть сложную игру стилистически-смысловых оттенков. Фамилия героя обнаруживает и национальную акцентировку, и, одновременно, исторические аллюзии, обнажающие смысл происходящих событий, и пр. Разумеется, главное место в ономастике «Бега» занимает Хлудов. Попытки истолковать фамилию одного из главных героев «Бега» генерала Хлудова предпринимались уже неоднократно. Объясняя смысл этой фамилии, исследователи начинают построения на основе её этимологии. Парадокс заключается в том, что все они цитируют одну и ту же статью из словаря В.И.Даля, а вот к выводам при этом приходят самым разнообразным. Например, В.И.Немцев пишет: «В характере Хлудова впечатляюще проявляются **особенности российской смуты**» (5, 128) (выделено нами – Д.М.). Исследователь объясняет фамилию Хлудова, опираясь на значение слова «хлуда», представленного в словаре В.И.Даля: «“Хлуда” – это по-русски хлам, сор, навоз, мусор; хворь, хиль, болезнь. “Хлуд” также – это жердь, дубина, дрюк, ослеп, стяг; жердь для увязки воза сена, соломы; рычаг, коим двое носят ушат на плечах, водонос» (5, 128; ср.: 6, 551). Таким образом, для В.И.Немцева «хлам, навоз, мусор» есть «российская смута». Значение фамилии Хлудова в этом контексте весьма спорно.

К этой же словарной статье В.И.Даля обращается и Л.П.Пожиганова, которая пишет: «...Слово “хлуда”, по Далю, сближается со значением слова “халуй” в диалектном употреблении: “Халуй – холуй, слуга, лакей, холоп, подлый родом и приёмами. Вят. сор, дрызг, нанос от разлива, коим заволакиваются луга”. Совпадение почти полное. Булгаков даёт своему герою фамилию, которая соответствует его портрету и в прямом, и в переносном смысле: Хлудовы – порождение грандиозного исторического “разлива”» (7, 66). И снова перед нами совершенно очевидная натяжка.

Достаточно простой метод, ставший весьма распространённым со времени переиздания словаря В.И.Даля, не даёт покоя исследователям, обращающимся к ономастике различных писателей, в том числе и М.Булгакова. Л.В.Тильга, обращаясь к уже упомянутой статье В.И.Даля, берёт наиболее конкретное значение слова «хлуд», которое, кажется, прямо вписывается в образную систему булгаковской пьесы и является, по сути, попыткой интерпретации характера главного героя: «...“Хлуд”: шест, жердь. Вольный

ассоциативный ряд – дыба, виселица, фонарь. Подтверждая амплуа вешателя, это древнее, цельное имя [...] несёт в себе ещё и преобладающую вертикаль. Один в поле. В то же время, согласно демонологии, на кол издревле сажали самоубийцу для изгнания нечистой силы, беса. Так в самом имени [...] словно предугадана динамика образа Хлудова, где грех уже содержит кару» (8, 17). Трудно поверить, но всё это выросло из одного лишь далевского словечка: «жердь», «долгая хворостина». Согласимся, что слова «дыба», «виселица» и даже «фонарь» – ассоциации слишком уж вольные. Тем более, что приходится ещё обратиться к народной демонологии и вытащить из неё слово «кол» «для изгнания нечистой силы» - и всё для того, чтобы обозначить «грех» Хлудова.

Нужно понять, что, прежде всего, драматург эту фамилию должен был где-то услышать, ведь вряд ли первым его порывом было заглянуть в словарь В.И.Даля и подыскать «подходящую» фамилию для своего героя. Точно так же маловероятно, что Булгаков, найдя нужный вариант, стал бы корректировать его с оглядкой на словарь Даля. На наш взгляд, гораздо вероятнее, что ему должен был понравиться её звуковой облик. Он очень характерен.

Житель Киева, Булгаков, разумеется, обладал знанием основ польской фонетики. Западнославянские языки звучали в семье Булгаковых: по свидетельству сестры писателя, Надежды Афанасьевны Булгаковой, ими владел отец писателя – Афанасий Иванович Булгаков (9, 33). Фамилия Хлудов, конечно, не имеет никакого отношения к польскому языку. Но в ней слышится явственная, хотя и ложная, «польская нотка»: *chłod* – «хлуд» – по-польски: холод (10, 41) (в переносном значении – холодность). (В.Б.Петров в диссертационной работе «Художественная аксиология Михаила Булгакова» (М., 2003) также отметил подобную связь, правда, мельком и без каких-либо комментариев, как само собой разумеющееся, не ссылаясь на польский вариант и, возможно, исходя из словоформы «хлад»: «...Хлудов (от “хлуд” – “холод”))» (11, 106)). И здесь вступает в свои права ассоциативность мышления: в «Беге» вокруг Хлудова складывается какая-то своя особая «холодная» атмосфера; не случайно В.В.Гудкова, писавшая о пьесе, обратила внимание на «холод, лёд» и оцепенелую «застылость Хлудова» (12, 74). Это ощущение создаёт и фон, на котором перед зрителем впервые предстаёт Хлудов – промёрзшая железнодорожная станция с оледеневшими окнами, холодным светом голубых электрических фонарей, – и внешний вид генерала: его неестественная бледность, зябкая принуждённость его позы – он сидит «съёжившись», – и варежки у него на руках. Конечно, в Крыму «случился зверский [...] мороз», но Хлудов зябнет не от мороза.

«Он болен чем-то, этот человек», – пишет Булгаков, имея в виду болезнь не физического порядка. Внутренний озноб героя – это горячий и одинокий холод его личности, это холодные, во многом рассудочные страсти, которые сжигают его.

Заканчивая с фонетическими ассоциациями, подчеркнём, что фамилия Хлудов звучит жёстко, как хлопок, как удар кнута. Это тоже важно для характеристики нервного, бескомпромиссного, решительного человека, у которого поступки неотделимы от мнений и мыслей. И ещё о звуковом ряде: нельзя исключить, что в фамилии Хлудова скрывается отсылка к ещё одному «каюшемуся» герою русской литературы – Нехлюдову из романа Л.Н.Толстого «Воскресение». Впрочем, у зрителя 1920-х годов эта фамилия могла вызывать и внелитературные ассоциации.

Но не один лишь фонетический ракурс важен при объяснении фамилии героя. Здесь мы должны вернуться к вопросу о том, откуда писатель мог взять самую эту фамилию. Это уже вопрос биографии автора. Для начала обратим внимание на следующий факт: во время написания «Бега» – в августе 1927 года – Булгаков переезжает на новую квартиру, в дом № 35-а по улице Большой Пироговской в Москве (13, 383). Совсем неподалёку, в доме № 19, и доньне размещается клиника детских болезней Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. Но в том-то и дело, что старое её название – детская клиническая больница имени М.А.Хлудова! (Известно, что по решению Московской городской Думы (постановление N117 от 1886 года) для строительства детской больницы был выделен участок земли на Большой Царицынской, ныне Большой Пироговской улице – от Малой Трубецкой улицы до Архивного переулка. Эта клиника для незаразных больных строилась на частные пожертвования Михаила Алексеевича Хлудова по проекту, разработанному архитектором К.М.Быковским при участии Н.А.Тольского и знаменитого гигиениста – профессора Ф.Ф.Эрисмана. Строительством клиники вплоть до его завершения также руководил Н.А.Тольский. Директором клиники и профессором кафедры был назначен Н.Ф.Филатов, он и открывал клинику детских болезней на Большой Царицынской, ныне Большой Пироговской улице в мае 1891 года.) Фамилия Хлудов до революции была широко известна в России, а особенно в Москве: в XIX веке московский купеческий род Хлудовых владел крупными ткацкими фабриками. Купцы Хлудовы были в числе московских меценатов, а самым крупным благотворительным учреждением, созданным ими, и стала Хлудовская больница. Безусловно, Булгакову в любом случае – как врачу – было известно название этой больницы и фамилия купца-мецената.

Уже в XIX веке появился в связи с этой семьёй термин «хлудовщина». Дочь П.М.Третьякова писала: «Много было самодуров в нашей Белокаменной, но самыми знаменитыми из них, понаслышке, были Мамонтовы и Хлудовы. Даже была специальная терминология: “мамонтовщина” и “хлудовщина”» (14, 55). Более того, писатель Я.В.Абрамов (1858–1906) назвал одну из своих повестей «Хлудовщина».

Но почему личность купца Хлудова могла показаться Булгакову интересной? Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885), давший имя заведению, построенному на его средства, прославился своей отчаянной храбростью и любовью к экстравагантным шуткам. Помогал армии в снабжении продовольствием, участвовал в походах в Туркестан и Сербию и был награждён Георгиевским крестом. Был знаком с генералом М.Д.Скобелевым. В.В.Верещагин в своих воспоминаниях назвал Михаила Хлудова «архилихим» купцом (15, 255), а В.А.Гиляровский писал о нём: «Миша был «притчей во языцех»... Любимец отца, удалец и силач, страстный охотник и искатель приключений. Ещё в конце шестидесятых годов он отправился в Среднюю Азию [...] и застрял там, проводя время в охоте на тигров. <...> Там он подружился с генералом М.Г.Чернавным. Ходил он всегда в сопровождении огромного тигра, которого приручил, как собаку. Солдаты дивились на «вольного с тигрой», любили его за удаль и безумную храбрость и за то, что он широко тратил огромные деньги, поил солдат и помогал всякому, кто к нему обращался» (16, 155).

Михаила Алексеевича словно преследовал какой-то злой рок: его молодая жена была нечаянно отравлена, пав жертвой вражды между братьями Хлудовыми. По одной версии, Василий Алексеевич после ссоры подлил яду в кофе Михаила Алексеевича, по другой версии – наоборот, но, как бы то ни было, отраву выпила двадцатилетняя Елизавета Фёдоровна. От этого брака у Михаила Алексеевича остался малолетний сын, который спустя несколько лет тоже погиб по нелепой случайности – столкнули с лестницы в училище. После смерти любимого сына Хлудов и завещал деньги на строительство детской больницы.

Михаил Алексеевич женился снова, но вторая жена, по слухам, прельстившись большим наследством, умышленно спаивала его. В белой горячке Хлудов бывал буен, потому попал в сумасшедший дом, где вскоре и умер (17).

Из писателей не один Булгаков обратил внимание на этого человека. В романе Н.Н.Каразина «На далёких окраинах» (СПб., 1875), посвящённом походу русских войск в Среднюю Азию, Михаил Хлудов выведен под фамилией Хмуров (18, 209), а под именем купца Хлынова его изобразил А.Н.Островский в пьесе «Горячее сердце» (19, 45).

Теперь проведем параллель с тем, что в 1926 году, когда Булгаков начинает работать над пьесой «Бег», во МХАТе ставится «Горячее сердце» Островского, причём режиссёром спектакля выступает И.Я.Судаков, который одновременно режиссирует «Дни Турбиных» (и спустя два года возьмётся за «Бег»). Судаков, как и все режиссёры МХАТа, тяготел к «документальности» при подготовке постановок, тщательно изучал реальные прототипы действующих лиц (20, 48), так что Булгаков, активно сотрудничавший с Судаковым, знал о том, кто послужил прототипом Хлынова. Отсюда можно предположить, что в сложный круг ассоциаций, с которыми связан образ Хлудова, входит не только московский купец, давший герою фамилию, но и его сценическое воплощение – Хлынов. В Хлынове, несомненно, проявлялись черты исторического прототипа – купца Хлудова. Что же именно? О постановке 1926 года известный театровед Б.И.Зингерман писал: «<И.М.> Москвин играл Хлынова и хлыновскую стихию, затопившую Русь. Он вывел на сцену диковинную фигуру – деспота, склонного к самоуничтожению и тоске [...]» (21, 113).

Московского купца с булгаковским персонажем роднят широта душевного размаха, отчаянный характер, склонность к экстравагантности, насыщенность внутренней жизни, буйность на грани помешательства и, наконец, драматичность судьбы. Всё это, разумеется, с соответствующими коррективами. Услышав фамилию Хлудова, уже ставшего героем нескольких литературных произведений, Булгаков, возможно, и не ставил своей целью вызвать воспоминание об этом конкретном человеке, но «принял» её для себя как вариант, отражающий единство жизненной судьбы и сложных ассоциаций, вызванных самой звуковой формой. Зритель того времени, помнивший ещё о похождениях купца Хлудова, должен был по достоинству оценить мастерство Булгакова в области драматургической ономастики.

1. Мороз Н.А. Библия и музыка: интертекст в «Беге» М.А. Булгакова // Русская словесность. – М., 2006. – № 8.
2. Яновская Л. М. Главы из новой книги о Михаиле Булгакове // Уральская новь. – Челябинск, 2004. – №19.
3. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. – М., 2001.
4. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. – М., 1996; Соколов Б.В. Михаил Булгаков: загадки творчества. – М., 2008.

5. Немцев В.И. Трагедия истины. – Самара, 2003.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб. – М., 1882. – Т. IV.
7. Пожиганова Л.П. Пушкинский интертекст в пьесе М.А. Булгакова «Бег» // К Пушкину сквозь время и пространство. – Белгород, 2000.
8. Тильга Л.В. Поэтика драмы рубежа 1920-х-1930-х годов и мотив самоубийства. М.А.Булгаков. «Бег». Н.Р.Эрдман. «Самоубийца». – СПб., 1995.
9. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. – М., 1988.
10. Новый польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. В. Ковалёва. – М., 2004.
11. Петров В.Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – М., 2003.
12. Гудкова В.В. Время и театр Михаила Булгакова. – М., 1988.
13. Варламов А.Н. Михаил Булгаков. – М., 2008.
14. Зилоти В.П. В доме Третьякова. – М., 1992.
15. Верещагин В.В. Михаил Дмитриевич Скобелев // Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков. – М., 2000.
16. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – СПб., 2006.
17. Репин Л. ...И тигр стерёг семейный особняк // Комсомольская правда. – 2007. – 27 августа.
18. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. – М., 1999.
19. Леонидов Л.М. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. – М., 1960.
20. Гудкова В.В. Судьба пьесы «Бег» // Проблемы театрального наследия М.А.Булгакова. – Л., 1987.
21. Зингерман Б.И. «Горячее сердце» А.Н.Островского. МХАТ. 1926. // Спектакли двадцатого века. – М., 2004.